

УДК 398.2(=512.212)
DOI 10.25587/r9112-8634-9008-c

А. Н. Варламов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ОСВОЕНИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА В ЭПИЧЕСКИХ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ ЭВЕНКОВ

Аннотация. В междисциплинарном исследовании, основанном на эпических традициях эвенков, рассматривается проблема проникновения домашнего оленеводства в культурный комплекс северных тунгусов. Для решения задачи исследования используются методологические основы эпического историзма, подкрепляемые мировоззренческими традициями эвенков, а также результатами исследований по археологии и этнографии. До настоящего времени наиболее распространенная гипотеза о возникновении домашнего оленеводства складывалась из предположений В. А. Тутолукова, Г. М. Василевич, Е. Н. Широкогоровой, согласно которым северные тунгусы приручили оленя в первых вв. н. э. Вместе с тем, фольклорные традиции эвенков свидетельствуют о более раннем историческом времени доместификации оленя предками современных эвенков и эвенов. В эпосе эвенков распространены два сюжета о приручении оленя. Согласно первому, оленя приручает первопредок-женщина. Второй, наиболее распространенный сюжет, свидетельствует о вхождении оленеводства в культурный комплекс эвенков в тесной связи с этногенетическими контактами к востоку от Байкала. Мифология и мировоззренческие традиции указывают на взаимосвязь культа оленеводства с культом медведя-предка, а также сохраняют культурные параллели с неолитическими традициями древних тунгусов-глазковцев. Содержание мировоззренческих и шаманских традиций эвенков также свидетельствуют о культурной взаимосвязи с содержанием писаниц Приамурья, которые по мнению А. П. Окладникова и А. И. Мазина, являются воплощением мировоззренческих традиций прямых предков современных эвенков-орочонов. В результате исследования, выдвигается предположение о том, что эпические, мифологические, ритуальные и этнографические традиции эвенков сопоставимы с результатами археологических исследований и свидетельствуют о высокой вероятности возникновения эвенкийского оленеводства в Приамурье во II тыс. до н. э. Работа представляет интерес для специалистов по фольклору, истории и этнографии, в круг научных интересов которых входят традиции устного народного творчества и история тунгусо-маньчжурских народов.

Ключевые слова: эпос эвенков; нимнгакан; история эвенков; приручение оленя; эвенкийское оленеводство; мифология эвенков; культ медведя; обряд Сэвэкэн; писаницы Олекмы, писаницы Алдана.

А. N. Varlamov

Acquisition of reindeer husbandry in the epic and worldview traditions of the Evenki

Abstract. The problem of domestic reindeer husbandry's entry into the cultural complex of the northern Tungus is examined in the interdisciplinary research based on the epic traditions of the Evenki. The methodological basis of epic historicism is used for solving research problem, it is reinforced with worldview traditions of the Evenki and also with the results of research in archeology and ethnography.

To date the most frequent hypothesis about emergence of reindeer husbandry consists of the assumptions of V. A. Tugolukov, G. M. Vasilevich, E. N. Shirokogorova according to which the northern Tungus tamed a deer in the 1st centuries AD. At the same time folklore traditions of the Evenki demonstrate the earlier historical time of reindeer's taming by the ancestors of the modern Evenki and Evens. In the epic of the Evenki, two plots about

ВАРЛАМОВ Александр Николаевич – д. филол. н., с. н. с. отдела Северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

VARLAMOV Alexandr Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of North Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russia.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

the taming of the reindeer are widespread. According to the first, the reindeer is tamed by the female ancestor. The second, the most common plot, demonstrates the entry of reindeer husbandry into the cultural complex of the Evenki in connection with ethnogenetic contacts to the east of Lake Baikal. Mythology and ideological traditions point out the relationship between the cult of reindeer husbandry and the cult of the ancestor bear, and also maintain cultural parallels with the Neolithic traditions of the ancient Tungus-Glazkovites. The content of the worldview and shamanic traditions of the Evenki indicates a cultural relationship with the content of the Amur region writings, which according to A. P. Okladnikov and A. I. Mazin, are the embodiment of the worldview traditions of the direct ancestors of the modern Orochon Evenki.

As a result, the author makes an assumption that the epic, mythological, ritual and ethnographic traditions of the Evenki are comparable with the results of archaeological research and indicate a high probability of the emergence of Evenki reindeer husbandry in the Amur region in the 2nd millennium BC. The work is of interest to the specialists in folklore, history and ethnography, whose scientific interests include the traditions of folklore and the history of the Tungus-Manchu peoples.

Keywords: Evenki epic; Nimngakan; Evenki history; reindeer taming; Evenki reindeer husbandry; Evenki mythology; bear cult; Seveken ritual; Olyokma petroglyphs; Aldan petroglyphs.

Введение

На сегодняшний день проблема происхождения эвенкийского оленеводства остается недостаточно изученной. В научной литературе в большей степени распространено мнение о сравнительно позднем освоении эвенками культуры оленеводства. Опираясь на документальные источники китайской истории, исследователи обозначают как историческое время освоения оленеводства эвенками вторую половину I тыс. н. э. В. А. Туголуков, не уточняя время возникновения оленеводства у эвенков, предполагал взаимосвязь этого исторического процесса с историей оленных племен *увань* [1, с. 6, 39]. Г. М. Василевич выдвинула в своих работах предположение о возникновении оленеводства на основе ранее приобретенных традиций коневодства. По мнению известного тунгусоведа, эвенки познакомились с оленеводством после переселения пеших тунгусов от исторической прародины на обширную территорию, соответствующую примерному распространению современной эвенкийской культуры [2]. Е. Н. Широкогорова предположила, что оленеводство вошло в этнографические традиции эвенков ранее коневодства, отмечая характерные несоответствия в коневодстве амурских эвенков [3, с. 30].

В рамках настоящего исследования попытаемся внести свой вклад в разрешение проблемы тунгусского оленеводства, опираясь на эпические и мировоззренческие традиции эвенков, а также существующие результаты этнографических и археологических исследований. Ранее мы, соглашаясь с точкой зрения Г. М. Василевич, предполагали, что коневодство было освоено эвенками ранее оленеводства [4, с. 119, 126–127]. Однако, более глубокое изучение проблемы возникновения тунгусского оленеводства заставляет нас кардинально изменить первоначальную точку зрения.

Первый домашний олень в эпических традициях эвенков

В эвенкийских эпических традициях распространены два основных сюжета об освоении оленеводства. Согласно первому сюжету (наименее распространенному), решающая роль в освоении эвенками оленеводческой культуры принадлежит женщине. Так, в сказании о Хуругучоне первых оленей приручила мать героя – одинокая старушка Нюнгурмок:

«Когда земля [размером] с коврик под седло была, когда небо берестяным коробом [еще] охвачено было, на средней земле жила старуха Нюнгурмок...

Живет она и живет на большой реке. Вот она стала обладательницей двух оленей. Кто их послал ей – она не знала. Об этом она думала: “Во сне, что ли я (их) поймала?”. Так и жила старуха с двумя оленями-важенками около проруби на озерке у большой реки. [Важенки] паслись в траве. Назывались они оленухами с раздваивающимися рогами. “Воспитаю-ка из них себе товарищей”, – думая [так], ловила их» [5, с. 234–235]. Старушка приручает оленей, учится их доить и вскармливает оленьим молоком посланного ей волшебным образом мальчика [5, с. 235].

Старушка Нюнгурмок представлена в эпосе эвенков прародительницей человеческого рода, воспитателем первого человека-эвенка [6, с. 25–26]. Сюжет об одиноком первопредке в женском обличье является весьма древним, т. к. отсылает слушателя к далекой эпохе творения мира и

матриархата. Во всех вариантах сказания о Нюнгурмок героиня предстает в образе первопредка и демиурга – делает мальчику лук, учит его охотиться и воспитывает. Нюнгурмок в сказаниях называется духом-хозяйкой средней земли [7, с. 73]. Оставив свою мать (в других вариантах бабушку-воспитательницу), эпический герой отправляется на восток, где совершает богатырские подвиги, находит себе невесту и становится основателем рода. Исходя из характеристик образа и деяний первопредка – старушки Нюнгурмок, приручившей первых оленей, гипотетически можно предположить, что предки эвенков могли приручить оленя самостоятельно в достаточно раннее историческое время. Однако, следует уточнить, что в большинстве эвенкийских нимнгаканов территория приобретения оленеводства не соотносится с местом рождения богатыря (исторической прародиной), а располагается восточнее.

В большинстве сказаний (второй сюжет) повествуется об обладании героя оленями в результате заключения брака с девушкой восточного родственного племени. В сказании о Кодакчоне, записанном от хабаровских эвенков, главные герои – пеший охотник и его сестра, живут в мифологически далекое время «когда земля только становилась». Кодакчон и Секак не имеют ни оленя, ни собаки и не знают ничего о своем происхождении [5, с. 178–179]. В поиске себе подобных эвенков-уранкаев брат по совету сестры отправляется на восток (на край кидан-земли), где после многочисленных приключений и сражений находит себе невесту из племени, обладающего большим числом оленей: «И вот отправился он на восход солнца... Когда шел вниз по реке, в одном месте кто-то пробежал. Наш парень погнался. Гнал-ся-гнал-ся, вот-вот нагонит. Когда он стал нагонять – (это), оказывается, (домашний) олень. Тот задохнувшись (от бега), вывалил язык. Вот наш парень бежал, стараясь поймать. Пытаясь поймать, он дошел до одного дома. Дом был деревянный... На лабазе девица расчесывает волосы серебряным гребнем, сидя на серебряной скамье» [5, с. 180, 184]. Далее, богатырь побеждает врага, спасая девушку, и предлагает стать его женой. В благодарность за свое спасение девушка соглашается [5, с. 185].

На освоение эвенками оленеводства на восточных территориях, указывают локальные эпические традиции эвенков. Так, в одном из вариантов сказаний о Торгане – герое эпоса забайкальских эвенков, повествуется о том, как богатырь-охотник отправляется на восток, где находит и приручает оленя, после чего начинает охотиться верхом: «Отправился Торганэй в сторону восхода солнца... На противоположном берегу третьей реки он увидел следы зверей. Торганэй потихоньку стал выслеживать их. Звери почуяли его. Увидев его, они убежали. Торганэй погнался за ними. Гнал-ся, гнал-ся, догнал.

Догнав, нашел [среди них] оленя с серебряным седлом и с серебряным недоуздом. Схватив его за оба рога, Торганэй [вскочил на него]... Три дня держался [на олене], пять дней отдыхал. Устав, взмолился:

– Олень с серебряным недоуздом! Устали мои сухожилия, задохнулись мои легкие. Ведь все равно тебе не одолеть меня!

Вот так он приручил оленя; Торганэй получил верхового оленя. На этом олене охотился на зверей» [5, с. 264–265].

В соответствии с содержанием эвенкийских сказаний, можно предположить, что оленеводство, как и коневодство, вошло в культуру эвенков на территориях, расположенных к востоку от Байкала. Учитывая обозначенное в эпосе место основного действия (окраину кидан-земли), можно допустить, что ареалом освоения оленеводства предками эвенков могли стать районы восточного Забайкалья и Приамурья. На восточные территории, связанные с освоением оленеводства указывает Г. М. Василевич. Анализируя происхождение этнонима *орочон/орочен* исследователь отмечает, что «пешие охотники горной тайги – эвенки и эвенки-уранкаи – в районе восточнее р. Онон встречаются с начинающими оленеводами, от которых берут себе жен» [8, с. 72].

Для определения предполагаемой этнической принадлежности первых оленеводческих племен, от которых домашнее оленеводство могло войти в хозяйственные традиции эвенков, вновь обратимся к текстам нимнгаканов. В соответствии с эпическими традициями эвенков, этнические характеристики образов достаточно точно сохраняются в описаниях и содержании заповных слов героев. Для героинь оленеводческих племен характерны запевы «Кемонин», «Кимэнин».

Запев девушки Монгукчон из сказания о Кодакчоне:

«Кемонин! Кемонин!
Если о моем звучном
Имени ты спросишь,
Скажу: мое имя
Монгукчон-девица» [5, с. 21–180].

Этот запев наиболее характерен для большинства героинь дружественных оленеводческих племен, например, в вариантах сказаний о Нюнгурмок:

«Кимо, кимо, кимонин! –
Отец наш, Геван-старик,
Добрый привет прими!
Мы прошли все места,
О которых мечтали, и вернулись.
Мы видели бабушку по имени Нюнгурмок,
Хозяйку средней земли,
Видели парнишку – сына ее.
Очень хороший парень остался
У себя на родине» [7, с. 73].

Лингвистический анализ позволяет утверждать, что слова, которые можно использовать в интерпретации запева, встречаются только в эвенкийском и эвенском языках: эвенк. *кимэ* – олень белой масти, *кимэрин* – блестящая шерсть [9, с. 394]; эвенск. *кеми* – олень светло-коричневой масти; эвенк. *кемака* – колечко, кольцо в подпруге, пряжка на ремне седла [9, с. 388]. Символичным в данном случае является то, что все обнаруженные слова так или иначе связаны с лексикой оленеводства. На наш взгляд, этот запев является своеобразным эпическим маркером, обозначающим девушек из племени восточных оленеводов. Обладатели запевов *Кемонин*, *Кимэнин* живут к востоку от родины эвенкийского богатыря-охотника. Судя по всему, именно на востоке развивались исторические контакты предков пеших охотников-эвенков с племенами оленеводов, либо происходил исторический процесс освоения оленеводства северными тунгусами. Этнонимы, сходные с запевами эпических героинь, обнаруживаются в названиях эвенкийских (Кима) и удэгейских (Кимонко) родов. Г. М. Василевич указывала на наличие этого этнонима у чжурчжэньского клана Ваньян [5, с. 345]. Однако, эти этнонимы не позволяют определить какую-либо прямую взаимосвязь их носителей с культурой оленеводства, а, в большей степени, свидетельствуют об общности тунгусских групп на каком-то этапе исторического развития.

В эпосе эвенков девушки, которых берут в жены эвенкийские богатыри, обозначаются общим именем *киливли*. Это же слово означает, собственно, «девушка» на некоторых наречиях восточных эвенков и языке негидальцев. Схожим этнонимом *килен/киле/кили* во всех тунгусо-маньчжурских языках, кроме маньчжурского, обозначаются эвенки. Кроме этого, у эвенков, эвенов, нанайцев существовали одноименные рода: у эвенков – *килер*, *килет*, *килагир*; у эвенов *келяр*, *килар*, *киленкан*; у нанайцев *килэ наини* [9, с. 393]. Эвенки родов *килер*, *килет*, *килагир* жили в XVII в. по рр. Охота, Тауй, Мая, Тугур, Хонтайка, оз. Ессей, устье Шилки. *Киларский* род эвенков в начале XX в. кочевал в верховьях Май и бассейне Аллах-Юня совместно с эвенскими родами Уяган, Годникан, Горбикан и эвенкийскими родами Бута, а также 1-м и 2-м Эжанскими [10]. По преданию, записанному в конце XIX в. П. П. Шимкевичем, оленные эвенки-килены кочевали на среднем Амуре вокруг оседлых нанайских родов Удинка и, пришедшего позже, рода Юкомзал. При этом все эти рода в средние века находились под маньчжурским подданством и объединялись общим названием *килэн* [11, с. 17]. По мнению С. М. Широкогорова, этноним «килин» имеет китайское, либо маньчжурское происхождение. Исследователь предполагал, что с этим этнонимом связано происхождение названия р. Гирин и одноименной провинции [12, с. 550]. Схожей точки зрения придерживался Л. И. Шренк, считавший, что этноним *кили* является общетунгусским названием [13, с. 34–35]. Л. Я. Штернберг внес уточнение, что нарицательным этнонимом *киленг*, распространенным в Приамурье, обозначаются все тунгусы-олeneводы [14, с. 62].

Таким образом, эпические традиции эвенков указывают на то, что, оленеводство было приобретено тунгусами на территориях, расположенных к востоку от Байкала. По нашему мнению, оленеводство не вошло в хозяйственный комплекс тунгусов извне, а осваивалось внутри тунгусо-маньчжурской группы этносов, а если точнее, именно в среде северных тунгусов – предков современных эвенков и эвенов. Сведения о приобретении оленеводства в жанре преданий не зафиксированы, что может свидетельствовать о том, что данные хозяйственно-культурные традиции пополнили этнографический комплекс эвенков гораздо ранее, чем в средние века. В попытке определения примерных временных границ начала развития эвенкийского оленеводства, обратимся к мифологическим и мировоззренческим традициям этноса.

Домашний олень в мировоззренческих традициях эвенков

Согласно мифологии, олени появляются у эвенков во взаимосвязи с образом медведя, либо от древнего племени, обитавшего в горной тайге до эвенков. Один из мифов, записанный в 1936 г. Л. Е. Элиасовым в Иркутской области, повествует о том, что к эвенкам олени попадают от людей-первопредков: «В тех новых лесах тогда водилось много оленей. Люди придумали их приручать и приручили. О том услышали другие народы и тоже прикочевали к тем дикийным людям. Вскоре от тех людей, которые сюда первыми пришли, почти никого не осталось. Оленей, которых они приручили, взяли тунгусы, они стали жить во всей этой тайге. Год от года они все больше и больше били зверей. А оленей не трогали, размножали их, берегли. Прежде оленей бить за грех считалось, вот и расплодилось их столько, что тунгусам надо было каждый день искать для них в тайге новые места с кормом» [15, с. 221–222].

В 30-х гг. XX в. Г. М. Василевич записала от эвенков Ангары и Енисея несколько текстов мифа о предке-*уамэндри*. Анализируя варианты этого мифа, исследователь характеризует образ предка-*уамэндри* как символа древней племенной формации, а также предка-медведя, от которого эвенки получают домашних оленей [16, с. 26]. Г. М. Василевич правомерно выделяет еще два распространенных эвенкийских названия образа медведя-первопредка – *Мауи* и *Торгандри* (*Торганди*), зафиксированных в фольклоре эвенков Забайкалья, Приамурья и на Охотском побережье (в т. ч. в среде эвенских групп). Как было сказано выше, эпические традиции, описывающие процесс освоения оленеводства эвенками, убедительно ориентируют нас на восточные территории. По мнению Г. М. Василевич, эпический сюжет о Торгане был занесен амурскими эвенками в южное Прибайкалье и в верховья р. Лена [16, с. 33]. Следовательно, возможный ареал приобретения оленеводства тунгусами на основе мифологии однозначно не определяется. В то же время, взаимосвязь с культом медведя проступает вполне отчетливо. Вероятно, мифологический сюжет о предках, давших эвенкам домашнее оленеводство, связан, в первую очередь, непосредственно с культом медведя, а мотив освоения оленеводства оказался поздним наслоением в фольклоре ангарских эвенков.

На основе обозначенной взаимосвязи с культом медведя попытаемся определить приблизительные временные границы возникновения оленеводства в среде тунгусов. По одному из известных мифологических сюжетов, лиса и медведь при встрече обсуждают – кто из них чего боится больше всего. Оказывается, что лиса боится человека, медведь – внезапно взлетающих рябчиков. Они договариваются избавить друг друга от причины страха. Медведь находит человека, чтобы убить, но получается наоборот – человек из ружья стреляет в медведя и убивает. Затем он сдирает с него шкуру и совершает обряд захоронения, в процессе которого высыпает в сухую яму шерсть медведя, из которой появляются олени [17, с. 16]. В одном из вариантов мифа о Хеладан медведь, завещая части своего тела, просит героиню убить его и совершить обряд захоронения. Когда героиня выполняет все, о чем просит медведь, из его шерсти появляются олени. Чудесным образом так же появляются уздечки для оленей из тонких кишок медведя [17, с. 38–40]. Отметим, что и в данном варианте мифа присутствует обряд, в ходе которого по завещанию медведя девушке надлежит выполнить последовательные ритуальные действия: «(Медведь) Меня убей, освежуй, сердце мое положи спать с собой, почки на священное место в юрте. Двенадцатиперстную кишку, прямую кишку напротив, шерсть высыпи в сухую ямку, тонкие кишки повесь на сухое свалившееся дерево, голову положи спать за священным местом в юрте...». Хеладан сделала всё, как сказал Медведь. Утром она проснулась

и увидела – напротив спят старик со старухой, на священном месте двое детей играют, снаружи бродят олени. Ямка полна оленей» [17, с. 40].

Образ медведя, завещающего свою шерсть для появления оленей, с одной стороны, может служить определенным временным ориентиром, т. е. в данном случае можно с достаточной уверенностью предполагать, что культ медведя возник у эвенков до возникновения оленеводства, на что указывает Г. М. Василевич [18, с. 165]. В ритуальных традициях байкальских глазковцев обнаруживается культурное сходство с приведенными выше мифологическими сюжетами: «Анализ археологически фиксируемых признаков позволил реконструировать действия, совершенные древними людьми на Фофановском могильнике. Они вырыли яму, на дно которой поместили череп медведя, сориентировав его на ЮВ (доминирующая ориентировка костяков в раннеолитических погребениях). Около медвежьего черепа была вырыта небольшая ямка, которую заполнили охрой. После того как яма с черепом медведя была зарыта, сверху положили небольшой камень и мелкие раздробленные кости (следы жертвоприношения?). Ритуал с черепом медведя на Фофановском могильнике был завершен очищением огнём» [19, с. 144].

Ориентировка черепа медведя в Фофановском могильнике сходится с положением черепа в эвенкийском мифе – на юго-восток. Внесем пояснение: священное место *малу* располагается в жилище эвенков у задней стенки напротив входа, вход в жилище находится в направлении к восходу солнца (северо-восток – летом, юго-восток – зимой, восток – весной и осенью). Исходя из предположения археологов, возраст медведя, череп которого был использован в ритуале составлял 1 год [19, с. 143]. Известно, что рождение медвежат происходит в берлоге в зимнее время, следовательно, ритуал мог быть совершен глазковцами в зимнее время, либо ранней весной. В это время восход солнца располагается на юго-востоке. В эвенкийских ритуальных традициях, связанных с медведем, захоронение-чуки принято располагать в направлении к солнцу: «Голову и кости медведя сложи в том порядке, как было (в живом), и заложи за ветку в направлении к солнцу; если устроишь чуки [похороны на дереве], дух-хозяина верхнего мира потом до самой старости будет посылать зверя (давать мясо)» [7, с. 307, 313].

Как видим, культурное сходство рассмотренных ритуальных традиций эвенков и неолитических глазковцев, связанных с медведем, весьма ощутимо. Взаимосвязь, либо сходство с культом медведя, мы можем наблюдать в обрядовых традициях эвенков по отношению к домашнему оленю. Домашний олень у большинства групп эвенков был не только средством транспорта, но и сопровождал душу умершего человека, поэтому существовал запрет на продажу оленей, их можно было только обменивать или дарить. Орочны забивали домашнего оленя исключительно в случае крайней нужды или для обрядовых действий [20, с. 220]. В своде эвенкийских запретов *Одёл* домашнему оленю отводится ряд обязательных правил и требований [7, с. 316].

Части домашнего оленя требовали к себе особого отношения. При забое домашнего оленя, как и при охоте на медведя, следовало выполнить ряд схожих действий: голова и копыта вывешивались на ствол дерева или жердь, надлежало бережно относиться к шерсти, запрещалось есть глаза. Особенно детально эти традиции соблюдались при проведении обряда *Сэвэкэн* – табуирование оленя, когда приносился в жертву другой олень из стада. У некоторых групп эвенков этот обряд сопровождался вывешиванием шкуры жертвенного оленя на специальный ритуальный столб. В некоторых случаях шкура заменялась символами – отрезами материи и подшейным волосом оленя [21, с. 171–175]. Отношение к *Сэвэку* (табуированному оленю) было особенное. На нем запрещалось ездить, нельзя было ничего перевозить, за исключением семейных реликвий. В редких случаях, если вычюных оленей было недостаточно, можно было возить печь (вместилище духа огня) или семейные (родовые) реликвии, обереги. *Сэвэк* умирал своей смертью, после чего его тело целиком укладывалось на специальный лабаз, либо его раздвигали по суставам, не разрубая костей. При этом голова насаживалась на дерево или жердь [21, с. 181].

Бережное отношение к шерсти, подшейному волосу домашнего оленя – устойчивая традиция, сохраняющаяся в среде эвенков до настоящего времени. У большинства хозяев домашнего стада существует свой замшевый, меховой или матерчатый мешочек, в котором хранятся пучки подшейного волоса домашних оленей как символ оленьих душ. Л. Я. Штернберг, рассматривая культ животных в искусстве народов мира, отмечает особое отношение тунгусов к подшейному

волосу оленя и лося [14, с. 423]. Шаманы при выполнении обрядов, направленных на увеличение поголовья, приносят из верхнего мира души оленей – шерстинки. По поверьям эвенков, души всех животных в виде шерстинок хранит в своем мешочке-*чемпули* Энекан Буга [22, с. 12].

Фольклорные сюжеты о появлении оленеводства, связанных с образом медведя, встречаются в эпическом жанре эвенков. Например, в сказании «На бок ни разу не упавший богатырь Бочок» медведь выступает помощником главного героя – отвозит его на своей спине в далекую восточную страну, помогает там наладить контакты с родственными племенами. По сюжету сказания в восточной стране герой находит своих родителей и, женившись, получает оленей [23, с. 21–27].

Письмена предков

Предполагаемая взаимосвязь культа медведя и традиций оленеводства обращает наше внимание к гипотезе А. П. Окладникова и А. И. Мазина о непосредственной связи содержания писаниц бассейна рек Олёкма и Алдан с историей эвенков-орочонов и их прямых предков, освоивших оленеводство: «Наскальные рисунки Верхнего Приамурья подтверждают выводы Г. М. Василевич и уточняют время появления оленеводства, относя его ко второй половине II тыс. до н. э. Древними художниками рассмотренных нами наскальных рисунков являются, по-видимому, предки орочонов-эвенков... О связи писаниц с эвенками свидетельствует и сравнительное совпадение сюжетов рисунков с поверьями, сказаниями и обрядами эвенков. На многих плоскостях с рисунками можно видеть изображение обрядов охотничьей магии: шинкэлэвун, гиркумки и икэнипкэ, а также оленеводческие обряды: сэвэнипкэ, итыкинипкэ, особое отношение к тугутенку-уроду; сказания о небесном лосе, олене, о солнце, месяце, звездах и священных скалах-бугады» [24, с. 116–117].

На наш взгляд, мнение известных исследователей А. П. Окладникова и А. И. Мазина о действительном историческом процессе освоения тунгусами культуры оленеводства является правомерным, потому что практически каждая сцена, изображенная на писаницах бассейна рек Алдан и Олёкма, датированных II тыс. до н. э. и позднее, демонстрирует отчетливое сюжетное сходство с мировоззренческими традициями эвенков. По нашему мнению, многие наскальные изображения представляют собой сюжеты шаманских обрядов-камланий, большинство из которых направлено на привлечение удачи и исproшение благополучия для рода.

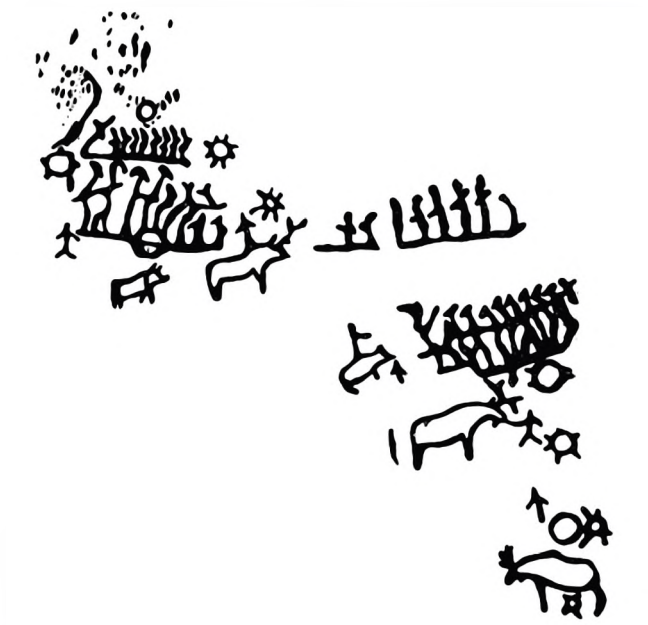

Рис. 1. Писаница на р. Олёкма¹.

¹ Расположена в 18 км. вниз от п. Усть-Нюкжа. Подробное описание археологического памятника представлено в монографии А. П. Окладникова, А. И. Мазина «Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья» [24, с. 134].

Примечание: По нашему мнению, писаница является графической иллюстрацией одного из вариантов эвенкийского обряда табуирования оленя *Сэвэкэн*. Сюжет писаницы отражает структуру камлания: шаман проникает в верхний мир через *Буга Сауарин* (Полярная Звезда) и преодолевает ярусы верхнего мира при помощи своих духов-помощников. Достигнув владений верховного божества, шаман обращается с просьбой о покровительстве и получает от него души домашних оленей. По мнению Г. М. Василевич космогонические представления тунгусов о Млечном Пути, Большой Медведице, Полярной звезде возникли в неолите не позднее II тыс. до н. э. [29, с. 146]. На наш взгляд, действительно, космогонические представления о лесе как небесном объекте возникли в мировоззрении древних тунгусов в процессе развития кочевой охотничьей культуры на лося.

Рассмотрим кратко данный тезис на одном из примеров, связанном по содержанию с оленеводческими традициями эвенков, для чего представим авторскую реконструкцию сюжета археологического памятника. Писаница, расположенная на р. Олёкма (рис. 1), датируемая II тыс. до н. э., представляет собой подробный картинный пересказ шаманского камлания, весьма схожего с обрядом посвящения оленя. Для верного восприятия композицию следует последовательно рассматривать снизу вверх. В самой нижней части композиции расположен лось, под животом которого находится символ небесного объекта. По нашему мнению, эти два изображения символизируют созвездие *Хэглэн* – Большую Медведицу, а соединенные рисунки «круга» и «звезды» являются единым символом, обозначающим Полярную Звезду, *Буга Сауарин* – вход в Верхний мир [20, с. 210; 22, с. 7]. Над входом в Верхний мир изображен «человек, который держит за повод оленя». По нашему мнению, изображенный олень является домашним животным, предназначенным для табуирования. Об этом свидетельствует «ритуальный столб» – вертикальная черта, расположенная на одном уровне с оленем. По сведениям Г. М. Василевич, катангские, алданские, амурские, урмийские, учурские эвенки в обряде *Сэвэкэн* использовали ритуальный столб, жердь, или дерево, символизирующее «лестницу», путь шамана в верхний мир. На определенной стадии обряда к этому ритуальному столбу-*сэргэ* призывался олень-*сэвэк* [21, с. 177–179].

Выше располагается сложная композиция, которую А. П. Окладников и А. И. Мазин охарактеризовали как лодку, в которой расположены антропоморфные существа со стилизованными звериными головами [24, с. 36]. Предполагаем, что композиция из девяти зооантропоморфных фигур представляет собой изображение духов-помощников шамана. При этом, исходя из общего сюжета, для каждого из достигаемых шаманом небесных ярусов помощниками выступают разные духи, либо они приобретают несколько отличающиеся черты в каждом из достигаемых вместе с шаманом ярусов. Отметим, что число духов-помощников на каждом из ярусов остается одинаковым (9), что является характерным для эвенкийских шаманов, обладающих «большой силой». По сведениям известной шаманки Матрены Петровны Кульбертиновой, она имела 9 духов-помощников женского рода [25, с. 63–64]. На одном уровне с помощниками первого яруса изображено «животное с сидящим на нем человеком» [24, с. 36]. Т. Ю. Сем обоснованно предположила в изображенном животном медведя [26, с. 66]. На наш взгляд, образ медведя, в данном случае, символизирует духа-помощника, на котором шаман достигает очередного яруса. Весьма схожий по стилю символ медведя изображен на бубне, описанном А. И. Мазиным [22, с. 145, 197].

На рисунках следующего уровня изображены духи-помощники шамана и сам шаман, но уже верхом на олене. Следует пояснить, что шаманы в своих путешествиях могли перевоплощаться в разные образы, среди которых весьма распространенными являлись лось, олень, медведь. Изображение человека, сидящего верхом на медведе и олене, является символом этого зооантропоморфного образа – «шаманского двойника». Верхняя часть композиции, по нашему мнению, представляет собой сцену приобретения шаманом душ домашнего скота (оленей), что и является главной целью ритуала *Сэвэкэн*. Души домашних оленей, в данном случае, символически изображены многочисленными штрихами и точками, расположенными в самой верхней части композиции писаницы. Схожее изображение «душ», которыми в виде шерстинок одаривает шамана *Энекан Буга*, представлено на Нюкжинской писанице [24, с. 132].

Как видим, отчетливое сюжетное сходство писаниц II тыс. до н. э. с шаманскими обрядами эвенков представляется очевидным, что позволяет предполагать о возникновении тунгусского оленеводства в Приамурье уже во II тыс. до н. э. А. П. Окладников и А. И. Мазин отмечают культурное сходство материала жертвенников верхнеамурских и олёмминских писаниц с поздненеолитическими памятниками Якутии (ымыяхтахская культура), Прибайкалья (глазковская культура) и Забайкалья (Шилкинская пещера) [24, с. 95]. Определяя этническую принадлежность писаниц, А. П. Окладников и А. И. Мазин предполагают последовательную взаимосвязь наскальных изображений разных эпох и их непосредственную принадлежность предкам эвенков-олeneводо-в [24, с. 117].

Рис. 2. Оленеводческие сюжеты на писаницах бассейна рр. Олёкма и Алдан.

Слева: Писаница на р. Олёкма, II тыс. до н. э. [24, с. 135].

Справа: Писаница в устье р. Укан (левый приток р. Амга), I тыс. до н. э. [24, с. 76, 121].

Культурная взаимосвязь традиций древних оленеводов и их потомков – оленных эвенков-орочоно-в отмечается в археологических памятниках бассейна Алдана. Отчетливые аналогии с этнографическим комплексом, мировоззрением эвенков обнаруживаются в стиле и смысловом содержании писаниц, а также в артефактах и символике культовых мест. Так, по р. Амга на писаницах изображены схожие образы и ритуальные сюжеты – антропоморфные фигуры верхом на олене (рис. 2). Жертвенные места имеют артефакты, характерные для обрядовой культуры эвенков (фигурки оленей, вырезанные из бересты и др.), а также оформлены эвенкийскими шаманскими декорациями – «идолами-шингкэнами» [27, с. 73; 28, с. 9, 12, 89, 90, 121]. А. П. Окладников и А. И. Мазин, анализируя смысловое содержание писаниц и материал культурных слоев жертвенников, расположенных в бассейнах рек Олёкма и Алдан, правомерно указывают на отчетливое культурное сходство с обрядовыми традициями эвенков [28, с. 76]. Сцены изображений писаниц «иллюстрируют» процесс приручения оленя и освоения верхового оленеводства (рис. 1, 2), а стиль артефактов, обнаруженных археологами в жертвенниках писаниц имеет отчетливое сходство с символами ритуальных традиций эвенков (рис. 3).

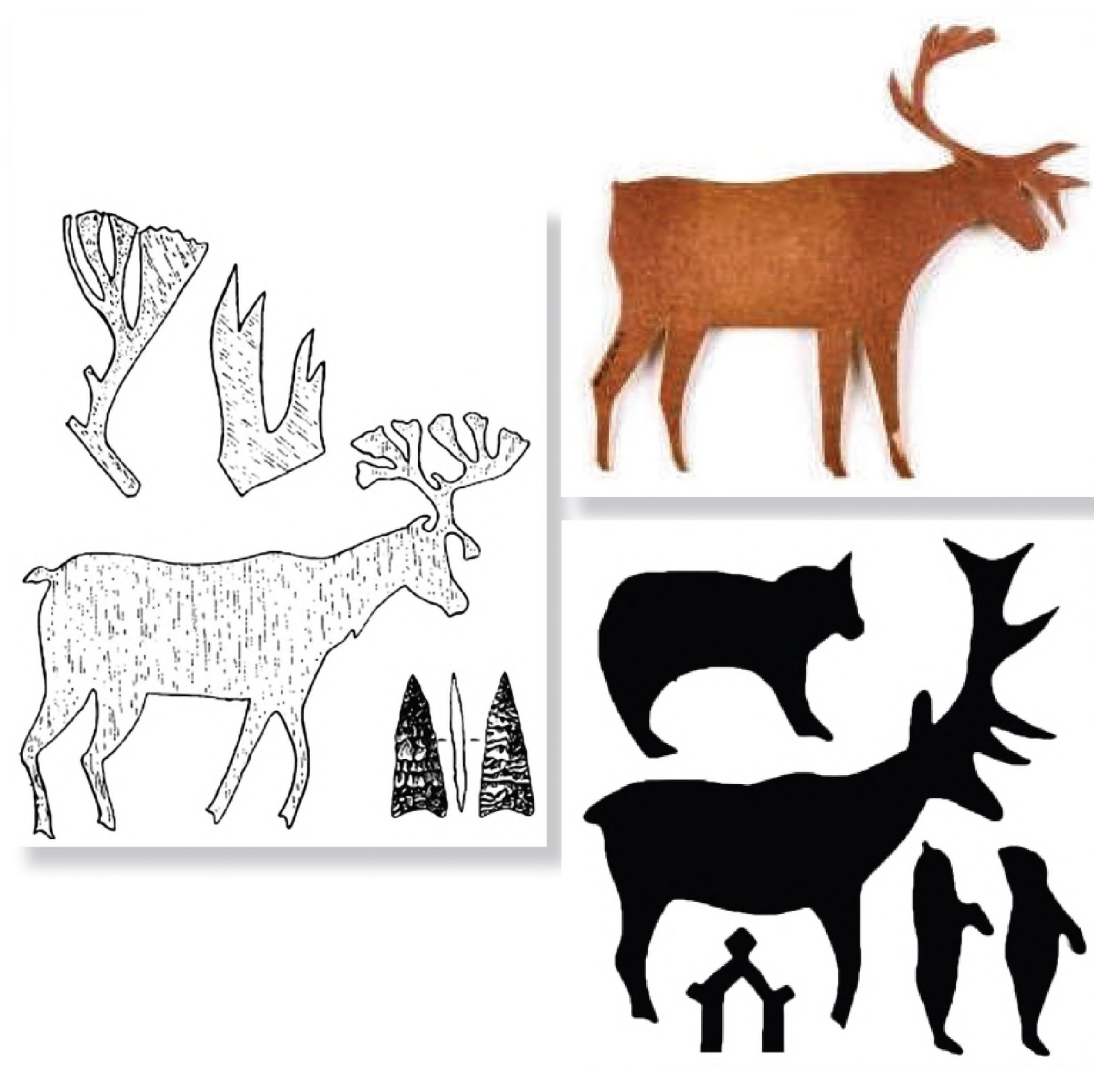

Рис. 3. Эвенкийские силуэтные изображения оленей из бересты.

Слева: Силуэтное изображение оленя, фрагменты рогов и наконечники стрел из жертвенника Суон-Титской писаницы, датируемой II–I тыс. до н. э. [28, с. 72, 90].

Справа сверху: силуэтное изображение оленя из бересты, выполненное М. А. Дьячковой, 1990 г., с. Аим, Аяно-Майский р-н, Хабаровский край (фонд Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова, экспонат КП 9740/4).

Справа внизу: Изображение оленя и других образов духов на бубне ороchonского (эвенкийского) шамана из Амурской обл. А. И. Ростолова [22, с. 171, 172].

Заключение

Как видим, результаты археологических исследований и реконструкций позволяют с уверенностью предполагать, что оленеводство возникло в среде северных тунгусов в достаточно раннее историческое время. Об исторической давности традиций тунгусского оленеводства свидетельствуют максимальная приспособленность оленеводческой культуры в кочевом быте эвенков и наибольшая степень одомашнивания оленя эвенками. На древность оленеводческих традиций эвенков указывает чрезвычайно богатая лексика, в которой отражены множественные половозрастные, функциональные, экстерьерные, мировоззренческие и индивидуальные характеристики оленя.

Таким образом, эпические, мифологические, ритуальные и этнографические традиции эвенков сопоставимы с результатами археологических исследований и свидетельствуют о высокой вероятности возникновения эвенкийского оленеводства в Приамурье уже во II тыс. до н. э. Считаем, что именно отсюда – из бассейнов рек Олёкма и Алдан оленеводство постепенно распространилось в среде других тунгусских групп.

Литература

1. Туголуков В. А. Идущие поперек хребтов. – Красноярск : Сибирские промыслы, 2016. – 160 с.
2. Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири). – Москва : Наука, 1964. – 11 с.
3. Широкогорова Е. Н. Северо-Западная Манджурия (географический очерк по данным маршрутных наблюдений). – Владивосток : Тип. Обл. зем. управы, 1919. – 47 с.
4. Варламов А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков. – Санкт-Петербург : Лань, 2018. – 308 с.
5. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / сост. Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1966. – 400 с.
6. Варламов А. Н. Исторические образы в эвенкийском фольклоре. – Новосибирск : Наука, 2009. – 95 с.
7. Фольклор эвенков Якутии / сост. А. В. Романова, А. Н. Мыреева. – Ленинград : Наука, 1971. – 330 с.
8. Василевич Г. М. Самоназвание орочон, его происхождение и распространение // Известия Сибирского отделения Академии наук. – 1963, Отдельный оттиск. – С. 71–73.
9. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1 / отв. ред. В. И. Пинциус. – Ленинград : Наука, 1975. – 672 с.
10. Васильев В. Н. Расселение и численность, физический и духовный тип (Начало главы труда «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов») // Архив Российской Академии наук. – Ф. 47. – Оп. 2. – Д. 40. – Л. 14–16.
11. Шимкевич П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов. Записки Приамурского отдела Русского географического общества. Вып. 2. – Хабаровск : Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1896. – 94 с.
12. Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп). – Москва : Наука – Вост. лит-ра, 2017. – 710 с.
13. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. I. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1883. – 323 с.
14. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. – Ленинград : Ин-т народов Севера, 1936. – 572 с.
15. Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Часть II. Народные предания. – Улан-Удэ : Тип. Министерства культуры БАССР, 1960. – 480 с.
16. Василевич Г. М. Этнонимы в фольклоре // Фольклор и этнография. – Ленинград : Наука, 1970. – С. 25–35.
17. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / сост. Г. М. Василевич. – Ленинград : Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Сидоровича, 1936. – 290 с.
18. Василевич Г. М. О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века (Сборник Музея антропологии и этнографии, Т. XXVII). – 1971. – С. 150–169.
19. Жамбалтарова Е. Д. Культ медведя у древнего населения Юго-Восточного Прибайкалья : интерпретация ранненеолитического объекта с черепом медведя Фофановского могильника // Россия и АТР. – 2013. – № 3 (81). – С. 142–151.
20. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Ленинград : Наука, 1969. – 304 с.
21. Василевич Г. М. Древнейшие охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник Музея антропологии и этнографии (МАЭ). Т. 17. – Ленинград : Наука, 1957. – С. 151–186.
22. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск : Наука, 1984. – 201 с.
23. Кэпрукэ Г. И. Двуногий да поперечноглазый, черноголовый человек-эвенк и его земля Дулин Буга. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1991. – 52 с.

24. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск : Наука, 1976. – 189 с.
25. Николаева Н. Н. Песенное творчество М. П. Кульбертиновой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 96 с.
26. Сем Т. Ю. Из истории шаманства : образы шаманских духов-помощников на петроглифах Верхнего Амура и Алдана (статья вторая) // Религиоведение. – 2019. – № 4. – С. 65–72.
27. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олёкмы / сост. Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева, А. Н. Алексеев и др. – Новосибирск : Наука, 1983. – 392 с.
28. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна р. Алдан. – Новосибирск : Наука, 1979. – 152 с.
29. Василевич Г. М. Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков) : доклад по опубликованным работам, представленный на соискание учёной степени д-ра ист. наук / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Ленинград, 1968. – 72 с.

References

1. Tugolukov V. A. Walking across the ridges. Krasnoyarsk, Siberian trades Publ., 2016, 160 p. (In Russ.)
2. Vasilevich G. M. Types of reindeer husbandry among the Tungus-speaking peoples (in connection with the problem of settling in Siberia). Moscow, Nauka Publ., 1964, 11 p. (In Russ.)
3. Shirokogorova E. N. Northwestern Manjuria (geographic outline based on route observations). Vladivostok, The Regional Land Administration Publ., 1919, 47 p. (In Russ.)
4. Varlamov A. N. The specificity of historicism in the Evenki folklore. Saint Petersburg, Lan' Publ., 2018, 308 p. (In Russ.)
5. Historical folklore of the Evenki. Legends and traditions. Comp. G. M. Vasilevich. Leningrad, Nauka Publ., 1966, 400 p. (In Evenki and Russ.)
6. Varlamov A. N. Historical images in the Evenki folklore. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 95 p. (In Russ.)
7. Folklore of the Evenki of Yakutia. Comp. A. V. Romanova, A. N. Myreeva. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 330 p. (In Evenki and Russ.)
8. Vasilevich G. M. Self-name Orochon, its origin and distribution. *Proceedings of the Siberian Branch of the Academy of Sciences*. 1963, Separate print, pp. 71–73. (In Russ.)
9. Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages. Ed. V. I. Tsintsius. Vol. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 672 p. (In Russ.)
10. Vasiliev V. N. Settlement and number, physical and spiritual type (Beginning of the chapter of the work “Tunguses of the Aldan-Maisky and Ayano-Okhotsk regions”). In: Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 47, inv. 2, doc. 40, sh. 14, 15, 16. (In Russ.)
11. Shimkevich P. P. Materials for studying shamanism among the Golds. Notes of the Amur Department of the Russian Geographical Society. Iss. 2. Khabarovsk, Printing house of the Chancellery of the Amur Governor-General, 1896, 94 p. (In Russ.)
12. Shirokogorov S. M. Social organization of the northern Tungus (with introductory chapters on the geography of settlement and the history of these groups). Moscow, Nauka Publ., 2017, 710 p. (In Russ.)
13. Shrenk L. I. About foreigners of the Amur region. Vol. 1. Saint Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1883, 323 p. (In Russ.)
14. Sternberg L. Ya. Primitive religion in the light of ethnography. Research, articles, lectures. Leningrad, Institute of the Peoples of the North, 1936, 572 p. (In Russ.)
15. Eliasov L. E. Russian folklore of Eastern Siberia. Vol. 2. Folk legends. Ulan-Ude, Printing house of the Ministry of Culture of the BASSR, 1960, 480 p. (In Russ.)
16. Vasilevich G. M. Ethnonyms in folklore. In: Folklore and Ethnography. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 25–35. (In Russ.)
17. Materials on the Evenki (Tungus) folklore. Comp. G. M. Vasilevich. Leningrad, Publ. house of the P. G. Smidovich Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR, 1936, 290 p. (In Evenki and Russ.)
18. Vasilevich G. M. About the cult of the bear among the Evenki. In: Religious ideas and rituals of the peoples of Siberia in the 19th – early 20th centuries (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography, Vol. XXVII). 1971, pp. 150–169. (In Russ.)

19. Zhambaltarova E. D. Bear cult among the ancient population of the Southeastern Baikal region: interpretation of an early Neolithic object with a bear skull from the Fofanovsky burial ground. *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2013, no. 3 (81), pp. 142–151. (In Russ.)
20. Vasilevich G. M. Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX century). Leningrad, Nauka Publ., 1969, 304 p. (In Russ.)
21. Vasilevich G. M. The most ancient hunting and reindeer-breeding rites of the Evenki. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE)*. Leningrad, Nauka Publ., 1957, vol. 17, pp. 151–186. (In Russ.)
22. Mazin A. I. Traditional beliefs and rituals of the Orochon Evenki (late 19th – early 20th centuries). Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 201 p. (In Russ.)
23. Kaptuke G. I. The two-legged and cross-eyed, black-headed Evenki man and his land Dulin Buga. Yakutsk, Yakut Book Publ. House, 1991, 52 p. (In Russ.)
24. Okladnikov A. P., Mazin A. I. Petroglyphs of the Olekma River and the Upper Amur Region. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976, 189 p. (In Russ.)
25. Nikolaeva N. N. Song creativity of M. P. Culbertinova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 96 p. (In Russ.)
26. Sem T. Yu. From the history of shamanism: images of shamanic spirits-helps on the petroglyphs of the Upper Amur and Aldan (second article). *Religious Studies*. 2019, no. 4, pp. 65–72. (In Russ.)
27. Archaeological monuments of Yakutia. Pools of Aldan and Olekma. Comp. Yu. A. Mochanov, S. A. Fedoseeva, A. N. Alekseev and others. Novosibirsk, Nauka Publ., 1983, 392 p. (In Russ.)
28. Okladnikov A. P., Mazin A. I. Petroglyphs of the river Aldan. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979, 152 p. (In Russ.)
29. Vasilevich G. M. Evenki (on the problem of the ethnogenesis of the Tungus and ethnic processes among the Evenki). Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, Institute of Ethnography of N. N. Mikloukho-Maclay, 1968, 72 p. (In Russ.)